

УДК 821.112.2

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-16-22

«ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ» В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

канд. филол. наук, доц. Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
e-mail: k.lushneuskaya@psu.by

В статье рассматривается немецкий героический эпос «Песнь о Нибелунгах» в контексте западноевропейского эпоса (на примере «Беовульфа» и «Песни о Роланде») и древнерусского былинного эпоса. Подчеркивается, что для исследуемых памятников характерна общность на сюжетно-тематическом уровне. Речь идет об исторической условности; о противопоставлении горя и радости, добра и зла; мотивах змеборчества, предательства и мести; о наличии трудных испытаний, преодолеть которые герою помогают сила, отвага и честь; о материальных благах и отношении героя к судьбе, а также о гибели героя. Автор приходит к выводу, что данные черты связаны с наличием элементов устной поэзии в эпическом жанре, которые рождены из синтеза языческого и христианского мировоззрений. В результате наряду с типологическими сходствами были выявлены отличия, связанные, с одной стороны, со спецификой культуры, а, с другой стороны, с личностью автора эпоса, в частности «Песни о Нибелунгах».

Ключевые слова: эпос, былина, типология, историческая условность, честь, предательство, месть, судьба, гибель героя.

Введение. Исторические события Средних веков подготовили почву для возникновения в западноевропейской литературе героического эпоса. Бурные события эпохи, вызванные общественно-политическими и культурными противоречиями, находили отклик у народных певцов, а положенные в основу сюжета эпоса, – и у каждого слушателя. Глубокий трагизм событий IV–VI веков, возникновение на развалинах античного рабовладельческого общества нового феодального мира, появление и распад варварских государств, преступления и кровопролития, христианизация, – все это не могло не оставить глубокого отпечатка на эпическом наследии Европы. Героев эпических произведений, выходцев из древней старины, отличали «храбрость, их свободолюбие и демократический инстинкт, побуждавший видеть во всех общественных делах свое собственное дело» [1, с. 99].

Западноевропейскому эпосу, как и древнерусским былинам, были не чужды сюжеты о мифических героях, чудищах и волшебных атрибутах, сопровождающих героев в испытаниях. Т.А. Новичкова отмечает, что «эпическая история, какой она предстает перед нами в былинах, проникнута мифом, который поддерживал былинное слово и образ, защищал от исчезновения жанровую традицию и не противоречил своеобразным свойствам устной народной памяти» [2, с. 6]. Замысловатые приключения и запутанный сюжет, отсылки к многочисленным героям и сражениям, распространенные отступления несколько не умаляли интерес средневековой публики. Все это имело такое же огромное значение, как и реально происходящее. Причем включение таких элементов в героический эпос придавало ему особый колорит, который до сих пор привлекает внимание читателей и исследователей.

Основная часть. Изучением особенностей развития европейского эпоса занимались В.М. Жирмунский [3], Е.М. Мелетинский [4], Б.Н. Путилов [5], А.Н. Робинсон [6] и др. Сопоставление западноевропейского народного героического эпоса с древнерусским былинным эпосом позволяет выявить новые грани, способные вывести сравнительный анализ эпоса на новый уровень. Цель данного исследования заключается в историко-контекстуальном изучении крупнейших эпических памятников, отличительной особенностью которых являлась предшествующая письменной фиксации устная форма исполнения. Объект исследования – западноевропейский эпос «Беовульф», «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде», древнерусские былины. В рамках данной статьи предметом исследования является интерпретация эпоса в рамках исторического контекста.

Высказанное Е.М. Мелетинским мнение о том, что «эпос должен трактоваться как отражение исторической жизни народа, <...> как выражение прежде всего точки зрения широких народных масс на свое историческое прошлое» [4, с. 13], характерно, скорее всего, для восточноевропейского эпоса. Здесь следует уточнить, что эпическая история – это своя история, иногда не соответствующая реальной истории, но иной раз являющаяся для средневекового слушателя достовернее и могущественнее реальной истории. Говоря о западноевропейском эпосе, Б.Н. Путилов уточняет, что в эпосе присутствует «не отражение конкретной исторической эпохи, а представление народа о своем прошлом, в котором слились исторический опыт и традиции предшествующих эпох – и все это подвергнуто обработке эпическим сознанием» [5, с. 8]. Следовательно, для героического эпоса в общем имело значение не конкретное описание исторического события (его причины, хронология, участники), а впечатление народа от происходящего. Сегодня уже не является секретом, что для историков эпос выступает важной частью исследований, выступая источником для восполнения пробелов истории путем восстановления отдельных деталей происходивших в Средние века событий. В особенности это отличает былинный эпос, отразивший в художественных образах историческую действительность (Л.Н. Пушкирев) или примечательный эпизод истории (Т.В. Зуева). Для периода записи былин «было характерно сосуществование разных способов отношения к прошлому: архаического, мифопоэтического и конкретно-исторического, не подвергающего имена и события

радикальной перестройке в связи с сюжетным замыслом, хотя на любом уровне мы встречаемся с явной мифологизацией образов» [2, с. 6], – отмечает Т.А. Новичкова.

Эпос выполнял в обществе особую роль: он служил для утверждения комплекса идеалов и норм социального порядка, поведения, нравственности, мировоззренческих принципов, жизненных позиций в сфере истории и отношений между людьми [5, с. 16]. А.Я. Гуревич указывает: «Эпос давал законченную и всеобъемлющую картину мира, объяснял его происхождение и дальнейшие судьбы, включая и самое отдаленное будущее, учил отличать добро от зла, наставлял в том, как жить и как умирать» [7, с. 6].

Как правило, герои западноевропейского эпоса вне зависимости от времени его создания перенесены автором в историческую эпоху древнегерманских войн и междоусобиц периода «Великого переселения народов» («Беовульф» (рук. около 1000) [8], «Песнь о Нибелунгах» (конец XII – начало XIII века [9]) или во времена борьбы христиан с неверными в крестовых походах («Песнь о Роланде» вторая половина XII века [10]). Это поворотные события эпохи Средневековья, нашедшие отражение не только в общественно-политической, но и культурной жизни народов Европы. Для средневекового автора эпоса важным критерием являлась значимость исторического лица в реальной действительности, например, «Песнь о Роланде» отсылает к Карлу Великому, «Песнь о Нибелунгах» – к Аттиле и Теодориху, «Слово о полку Игореве» (ок. 1185) – к Игорю Святославичу, былины – к князю Владимиру и его богатырям. «Радзивиллиада» (1592) стала эпосом, воздавшим славу Николаю Радзивиллу. Нередко подвиги приписывались не конкретному историческому лицу, а некоторому идеальному эпическому герою, не имеющему прототипа в истории, например, Беовульф или Зигфрид, отдельные черты которых угадываются в различных героях исторической действительности. Между тем эпический размах произведению придавало и сведение воедино нескольких великих героев реальной истории, легенд и сказаний. Сама величественность эпоса требовала этого.

Однако не только историческая основа отличает европейский эпос, – существует множество типологических черт. Подробнее об этом писал А.Н. Веселовский, который, рассматривая связи древнерусского народного эпоса с эпосом Востока и Запада, пришел к выводу, что «народный эпос всякого исторического народа по необходимости международный» [11, с. 401]. На наличие сходства героического эпоса разных народов указывал В.М. Жирмунский, усматривая его причины в том, что сходство «основано в конечном счете на художественном обобщении сходной социальной действительности и на одинаковом уровне развития общественного сознания» [3, с. 29]. Так, восточнославянский эпос, представленный «Словом о полку Игореве» (ок. 1185), хронологически совпадает с западноевропейским и отражает, как правило, кровопролитные события в борьбе за независимость Киевской Руси. Древнерусские былины воспевают подвиги богатырей, стоявших на страже их государства. Многострадальный исторический путь белорусского народа, описанный в «Радзивиллиаде» (1592) – эпосе, прославившем подвиги Николая Радзивилла, имел положительный результат. Ж.В. Некрашевич-Короткая отмечает: «Бясконцыя войны, што грывелі па нашай зямлі, спараджалі не толькі гаротныя ахвяры, кроў і слёзы, але таксама высокія падзвігі, нечуваныя дагэтуль прыклады воінскай доблесці, якія патрабавалі велічнага ўслаўлення» [12, с. 93]. И.В. Саверченко отмечает, что только в эпоху Ренессанса «былі створаны выдатныя ў мастацкіх адносінах белетрызаваныя эпічныя творы¹, аснову якіх утваралі важныя палітычныя і грамадскія падзеі» [13, с.128]. В европейских странах такого рода исторические события вызвали к жизни появление древнерусских былин, украинских дум, сербских юнацких песен и других эпических жанров. В западноевропейскую эпическую традицию вошли англосаксонский эпос «Беовульф», французский эпос «Песнь о Роланде» и немецкая «Песнь о Нибелунгах».

С первых страниц «Беовульфа» прослеживается контраст между радостью и горем. Но, если в «Нибелунгах» автор использует намек на грядущую трагедию, и после убийства Зигфрида долгое время ничего не происходит, а внимание читателя удерживается нагнетанием обстановки; то смена радостного тона повествования «Беовульфа» происходит уже в начале эпоса. После пира в честь возведения королевского дворца на Хеорот нападает чудовище Грендель, каждый визит которого лишь делает неизбежным сражение с ним. Характерное для эпоса нарастание напряжения отличается и «Песнь о Роланде» в описании сцены, когда Роланд, не желая казаться трусом, отказывается трубить в рог и только потеряв своих воинов он наконец осознает преимущество сарацин, трубит, от напряжения у него на висках выступает кровь и струится по лицу. Драматизм ситуации усиливается и в изображении последних минут жизни Зигфрида в «Песни о Нибелунгах», когда он, смертельно раненный предателем в спину и терзаемый болью, пускает щит в убийцу и сбивает его с ног.

Несмотря на то, что в раннем Средневековье мотив предательства встречался довольно часто, в англосаксонском эпосе он отодвигается на второй план. Для Беовульфа сражение с драконом – дело всей его жизни, и предавшие его дружинники, отступившие перед страхом смерти, делают это неумышленно, словно предоставив герою возможность в одиночку сразиться с драконом; в «Песни о Роланде» Ганелон предает Роланда, затаив в сердце злобу и обиду на него; в «Песни о Нибелунгах» Зигфрид и предположить не мог о заговоре побратимов. В целом, эпос не свободен от мотивов мести, алчности, корыстолюбия и предательства, которые нередко упоминаются наряду с верностью, доблестью и честью эпических героев. На этом контрасте подчеркивается исключительное превосходство главных героев эпоса – Беовульфа, Роланда и Зигфрида. Для героев былин победа в бою также играет немаловажное значение и отождествляется с честью и славой.

¹ Среди произведений героического эпоса И.В. Саверченко называет не только «Радзивиллиаду» (1585) Я. Радвана, но и «Описание московского похода князя Радзивилла» (1582) Ф. Градовского, «Десятилетнюю повесть военных дел князя Криштоша Радзивилла» (1585) А. Римши [13, с. 136].

Ощущение трагизма создается не только благодаря нарастанию напряжения, автор включает различные знамения беды. Определенное значение в них играют сны героев. Если сон Карла Великого – это единственная уступка таинственности в «Песни о Роланде», то созданная позже «Песнь о Нибелунгах» изобилует наличием таких элементов в сюжете. Так, включенные в первую часть эпоса предсказания беды в вещих снах Кримхильды и её матери Уты во второй части «Нибелунгов» приобретают вовсе мифический характер: роль предсказательниц исполняют вещие жены-русалки. Героини былинного эпоса также наделены обостренным предчувствием беды (Василисушка Никулична) и придают значение снам (Настасья Окульевна) [14].

Неизбежность трагедии в «Беовульфе» создается благодаря повторяющимся нападениям чудищ на дворец, о снах нет и речи, причем этот факт не умаляет роли мифологического элемента в англосаксонском эпосе; равно как и отсутствие психологизма персонажей, в отличие от героев немецкого и французского эпосов. Ведь Хаген, обвиненный в трусости, готов идти на смерть, а Роланд, подозревающий о злых намерениях Ганелона, ни на миг не сомневается в правильности своего решения. Не смотря на плохое предчувствие, герои идут на смерть, делая свой выбор. Былины отличают повторы как лексико-синтаксических конструкций, так и сюжета. В отличие от героев западноевропейского эпоса, главных героев русского эпоса ждет слава и мирная жизнь. Славя богатырь стяжает в бою или в испытаниях: «Говорил Владимир стольнокиевский: / “Я схожу посла да поотведаю”. / “Ах ты, молодой Василий Микулич-де! / Не угодно ли с моими дворянами потешиться, / Сходить с ними на широкий двор, / Стрелять в колечко золоченое, / Во тоя остри ножевые, / Расколоть-то стрелочка надвое, / Чтоб были мерою равненьки и весом равны”» («Ставр Годинович») [14, с. 203].

Нередко автор создает трудно преодолеваемые испытания для эпического героя. В «Беовульфе» для победы над Гренделем автор переносит война в логово чудищ, что значительно усложняет его подвиг. По мнению А.Я. Гуревича, герой, попав в другое пространство и потеряв связь со «своим», лишался прежней силы; следовательно, «его гибель была неизбежной и вполне мотивированной» [15, с. 128]. Но и здесь храбрый Беовульф одерживает победу. Объяснение этому можно найти в исключительных способностях героя, которые даже вопреки обстоятельствам помогают одержать победу. Неуязвимостью наделен и непобедимый Зигфрид, выведенный из повествования автором лишь по причине подлого предательства, отнявшего жизнь у храброго героя, что при иных обстоятельствах было бы невозможным. Кроме того, автор, позволив Хагену нанести удар в уязвимое место на спине Зигфрида, делает неизбежной месть за смерть героя. Убитый не в бою и неотомщенный, не мог считаться истинным героем, что знал и Хаген. Следовательно, немецкий эпос отличает большая несправедливость по отношению к главному герою по сравнению с англосаксонским и французским эпосами, где эпическому герою предоставляется возможность погибнуть в бою, т.е. героически. Тем острее представляется данная проблема, если экстраполировать древнегерманские представления о чести, характерные для IV–V веков на «Песнь о Нибелунгах», согласно которым, в небесное царство Водана, бога войны и победы, «попадал лишь тот, кто пал в битве» [16, с. 20]. Недопустимая несправедливость по отношению к эпическому герою стала возможной в придворно-рыцарской культуре начала XIII века. Вместе с тем кульминацией эпического повествования является гибель героя.

В одной из песен «Беовульфа» во время пира певец упоминает Сигмунда и бой с драконом, словно намекая на предстоящее сражение Беовульфа. Но если во вставном эпизоде «Беовульфа», как и в «Песни о Нибелунгах», мотив драконоборчества является отголоском языческого мировоззрения, то в «Беовульфе» пережитком языческих преданий о героях [6, с. 133] является убийство болотного зверя Гренделя, а сражение с драконом становится освободительной битвой, избавляющей родину от врага, превратив Беовульфа в национального героя. На примере «Беовульфа» прослеживается эволюция религиозных представлений, отражающая переход от язычества к христианству. Так, постепенно подвигу змееборчества «стало придаваться значение религиозного, вассального, а затем и национального долга» [6, с. 132]. Подобную интерпретацию приобретает сражение со змеем в русских былинах: «Змея ему да тут смолилася: / “Ах ты, душенька Добрыня сын Никитинич! / Будь-ка ты, Добрынюшка, да больший брат, / Я тебе да сестра меньшая. / Сделаем мы же заповедь великую: / Тебе-ка-ва не ездить нын на гору сорочинскую, / Не топтать же где-ка мелевых змеешков, / Не выручать полону русского; / А я тебе сестра да буду меньшая, / – Мне-ка не летать да на святую Русь, / А не брать же больше полону да русского, / Не носить же мне народу христианского”» («Добрыня и Змей») [14, с. 101].

Из биографии героев, предшествующей визиту славных воинов к королю, становится известным о юношеских подвигах как Беовульфа, так и Зигфрида, о которых наслышаны за пределами их государств. Оба героя – пришлые воины и должны испытывать судьбу вдали от родины в нескольких состязаниях: Беовульф сражается с чудищами, а Зигфрид побеждает в войне с саксами и данами, проходит испытания девой-воительницей. Конечно, цель визита у них различна, но и оказываются они в различных условиях: Зигфрид – в придворном окружении, а Беовульф – в германском королевстве, осаждаемом нападениями чудовища. При дворе несет службу и Роланд. Эпические герои Беовульф, Зигфрид и Роланд выступают в роли помощников короля, обладая, вместе с тем, рядом добродетелей. И нидерландский король, и конунг гаутов, и французский граф демонстрируют должную силу, отвагу и честь. Для героев характерно должное воспитание: Зигфрид посвящен в рыцари, Беовульф воспитан дядей конунгом. Немалую славу стяжают и богатыри былинного эпоса: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Глеб Володьевич, Василий Буслаев и др.

Знание воинского дела, владение принятым в дар мечом, верность вождю, добыча сокровища, сражения с чудовищами, встреча с коварной судьбой и гибель героя – это типичные мотивы не только «Беовульфа» и «Песни о Нибелунгах», но и других памятников средневекового европейского эпоса. В отличие от них Роланду,

обладающему многими добродетелями, чужды дохристианские ценности, и он не сталкивается с выходцами из другого мира. Вместе с тем ему присущи воинские добродетели эпического героя. Он не сражается с мифическими существами, как Беовульф и Зигфрид. Здесь имеет место определенное рода трансформация мотива змеборчества в христианский мотив, имеющий национальное значение.

Наряду с типологическими сходствами существуют и отличия, связанные, с одной стороны, со спецификой мировоззрения, а с другой, – с личностью автора эпоса. Например, единым ядром повествования в эпосе является борьба со злом, но в каждом национальном эпосе зло имеет свое воплощение. Если в англосаксонском «Беовульфе» зло – это чудовищные существа (исполин Грендель, женочудовище и огнекрылый дракон), то в «Песни о Нибелунгах» дракон не является таковым. Здесь антагонистом Зигфрида представлен Хаген – воплощение коварства и предательства. Хотя Хагену и придают черты нечеловеческого происхождения (Хаген – сын альба, карлика), он остается, прежде всего, верным вассалом, несущим свою службу. Создается впечатление, что Зигфрид вовсе не видит в нем угрозы. Подобное поведение демонстрирует и герой французского эпоса Роланд, словно не догадывающийся о замысле Ганелона. Вместе с тем убивает его не Ганелон, а воинственные магометане, что делает его смерть героической, в отличие от предательского убийства. Роланд, как и Зигфрид и Беовульф, слишком самоуверен, даже не желает допустить мысли о возможной своей гибели, поскольку удачливый в бою не испытывает страха. Такое бесстрашие отсылает к русской былине о Василии Буслаеве, который не страшится предсказаний человеческой головы: «Где лежит пуста голова, / Пуста голова молодецкая, / И лежать будет голове Васильевой!» («Смерть Василия Буслаева») [14, с. 300]. Смерть Василия нелепа, и наказан он за гордыню.

Зигфриду везде сопутствует удача и все дается ему легко. Победа над великанами Шильбунгом и Нибелунгом, клад Нибелунгов достаются ему словно мимоходом. Нельзя сказать, что удача покидает Зигфрида в момент его убийства. Она словно отодвигается на второй план. Здесь автор, обращаясь к внутреннему миру героев, говорит о другом герое эпоса, герое, наделенном психологизмом. Такой подход оказывается неуместным в характеристике героев «Беовульфа». Как Хродгара, так и Беовульфа отличает удачливость в бою, которая однажды покидает датского короля, а затем и его помощника. Мотив предательства упоминается лишь вскользь, когда воины Беовульфа отступили в заключительной схватке. В свой предсмертный час Беовульф говорит напутственные слова народу и державе, отдав за них свою жизнь. Свою гибель он не считает напрасной, поскольку имеет реальное тому подтверждение – сокровища дракона: «... и я, увидев казну издревнюю, насытив зренье игрой самоцветов и блеском золота, возлягу рядом и без печали жизнь покину и власть земную» (2746–2750) [8, с. 202]. Одновременно с этим Беовульф вверяет себя Божьей воле: «Я мирно властил и ждал урочного срока и жребия: не жаждал распрей и лживыми клятвами не осквернялся, чему сегодня, смертельно раненный, я радуюсь в сердце, ибо Создатель не попрекнет меня убийством родичей – так пусть же изыдет душа из тела!» (2735–2742) [8, с. 201–202].

Здесь сталкиваемся с еще одним из аспектов чести, связанным с отношением к кровным родичам. Данный факт удручает Зигфрида, в словах которого слышится упрек и ненависть к бургундам, совершившим бесчестный поступок – предательское убийство побратима: «Надълали вы этимъ / не мало бѣдь своей роднѣ. // И всѣхъ потомковъ вашихъ / позоръ, бесчесте ждеть: // За ваше злое дѣло / ихъ всякій упрекнетъ» (989,4–990,2) [9, с. 258]. Не теряя рассудка, Зигфрид осознает весь драматизм происходящего и негодует об участии своей семьи. В данном отношении поведение Роланда отлично от англосаксонского и немецкого героев. Роланд отпускает все земное и взывает к Богу, прося о спасении души и отпущении всех прегрешений. Он не забывает о своей воинской чести и славе: «Граф под сосною на холме лежит. // К Испании лицо он обратил, // Стал вспоминать о подвигах своих, // О землях, что когда-то покорил, // О милой Франции и о родных, // О Карле, ибо тот его вскормил» [10, с. 98]. Следует заметить, что вне зависимости от национальной принадлежности герои вспоминают о своих родных, одновременно с этим, их заботит и честь державы, тогда как Зигфриду чужды ценности национального героя. Поведение Зигфрида отлично от Беовульфа и Роланда в их предсмертный час, в чем усматривается возможная связь с причиной его убийства, а также со спецификой мировоззрения, нашедшего отражение в «Песни о Нибелунгах». Это доказывает более глубокий уход в мифическую древность, свободную от национальных ценностей.

В преддверии смерти герои демонстрируют свое отношение к судьбе. С одной стороны, Беовульф перед заключительной схваткой с драконом, осознавая свою участь, делает собственный выбор: «Не уступлю я пламенвержителю в битве ни шагу!» (2523), но перед боем он прощается с гаутами, словно предчувствуя сердцем «соседство смерти, Судьбы грядущей» (2419) [8, с. 180]. И здесь Судьба отождествляется с удачей: «казалось ратнику, что щит, защитник души и тела, не так надежен, как то хотелось бы герою, коль скоро впервые в жизни Судьба не хранит его в единоборстве, в победной битве» (2569–2574) [8, с. 190]. Подобное отношение к судьбе встречается и в более поздней «Песни о Нибелунгах», герои которой идут навстречу судьбе, делая свой осознанный выбор. Нибелунгам предрекан исход судьбоносными знаками, которые в форме пророчеств присутствуют и в «Беовульфе»: о пожаре, в котором сгорит Хеорот (82–85), о вражде среди наследников датского престола, о судьбе дочери Хродгара (2024–2069), о гауто-шведских войнах, грядущих после смерти Беовульфа (2900–3027).

В «Песни о Нибелунгах» можно вспомнить опасения Хагена перед поездкой к гуннам, но не следует отрицать и внешних проявлений грядущей беды: река разлилась, словно удерживая воинов от гибели, встреча с вещми девами, сулящими смерть всему войску, отказ перевозчика переправить войско на другой берег – все это имеет символическое значение. Возможно, здесь сказывается влияние языческого мировоззрения, когда человек ощущал себя частью всего мироздания и все имело свои причины. Бесспорным является отношение к судьбе в «Песни о Роланде»: он сражается во имя Господа. Одновременно с желанием нести христианскую

веру, Роланд верно служит своему королю. Но лишь однажды он оказывается попрекнутым в излишней горячности, приведшей всех к гибели. Вряд ли эта горячность роднит Роланда с героями древности. Он, скорее, отвечает требованиям идеального героя своего времени, тогда как Беовульф и Зигфрид видят в судьбе злой рок.

Везение, удача героя часто вызывали желание обладать хотя бы частью этого счастья, что особенно характерно для древнегерманских представлений, согласно которым, приобрести удачу можно посредством обладания атрибутами счастья. А.Я. Гуревич объяснял это так: «свое благополучие можно приумножить, получив в дар от вождя драгоценный подарок (меч, гривну, кольцо, плащ), ибо в этих предметах материализуется “везенье” “богатого удачей” вождя» [17, с. 18]. Поэтому клад Нибелунгов вызывает у героев эпоса жажду обладания сокровищами, что для них равнозначно не только удаче, но и источнику власти. Однако самого Зигфрида несколько не заботит клад Нибелунгов, также чуждо материальное желание и Беовульфу, которому достаточно лишь созерцания отнятого у дракона сокровища. В плане сокровищ смерть героев оказывается бесполезной. Но в отношении к кладу у его обладателей есть существенная разница.

Так, даны отказываются от возвращенного им клада, а не пытаются заполучить его как источник власти, что, напротив, отличает героев «Песни о Нибелунгах». Смерть Зигфрида и вызвана отчасти желанием иметь клад Нибелунгов. Но после смерти Зигфрида Хаген погружает клад в Рейн, унеся в могилу тайну его местонахождения. Беовульфу же клад необходим, скорее, для славы и восстановления справедливости. Так, алчность Нибелунгов в отношении клада разнится с мировоззрением Беовульфа. Возможной причиной тому является наличие в «Песни о Нибелунгах» не только древних представлений, но также их преднамеренное и одновременно органичное включение автором в сюжет повествования; имеющие значение материальные ценности дохристианской эпохи оказываются уместными в придворно-рыцарском окружении. «Песнь о Роланде» является отражением борьбы христиан с язычниками, что свидетельствует о прочной связи христианской религии с военным долгом. Включенный в эпос мотив предательства Ганелона отодвигается на второй план, и благодаря армии Карла справедливость христианской веры торжествует. В то же время, в «Беовульфе», по крайней мере, внешнее проявление христианства уже достаточно укрепилось в представлении автора.

Так, Беовульф сражается с Гренделем как дьявольским бастардом. Необходимо отметить, что Грендель, бесчинствующий исключительно в ночное время суток, ненавидящий род людской и живший изгоем в болотах, отождествляется автором с адским существом, противопоставляемым Богу. В период создания рукописи «Беовульфа» англосаксонские племена были уже христианизированы, но более ранние события эпоса позволяют предположить о еще недостаточно сформировавшемся представлении героев о христианском вероучении. Так, если престол конунга был окружен ореолом святости, то о советниках знатного конунга говорится: «Сидели знатные, судили мудрые, в совете думали, как бы вернее людей избавить от страшной участи; молились идолам, душегубителям, и, воздавая им жертвы обетные, просили помощи и подкрепления – то суеверие, обряд языческий, то поклонение владыке адскому!» (172–179) [8, с. 28–29]. Вместе с тем эпос просто изобилует упоминаниями Бога. По большей части горе, постигшее данов, автор видит в непоклонении Богу и тем самым объясняет нападение на них Гренделя, «потомка Каина». Однако представление о религии у героев эпоса еще смутное: жажда славы, а главное, мести за родичей выступают чуть ли не императивом поведения эпических героев. «Должно мстить за друзей, а не плакать бесплодно!» (1384) [8, с. 112] – главная заповедь древнего германца, акцентируется в англосаксонском памятнике. Понятие «родичей» здесь распространяется на народ и державу. Одновременно с этим, правда меча совершается отнюдь не во благо религии. Все эти понятия чужды христианству.

Отличия в изображении картины мира при всей общности ценностей и понятий приобретают выраженный характер непосредственно сквозь призму авторского начала. Уже указанная роль автора в оставшихся анонимными произведениях народного героического эпоса позволяет говорить о значении сюжета, выбранного среди множества бытующих в устной поэзии и положенного в основу эпоса. Так, например, «сохраненный в народном создании факт разгрома арьергарда Карла в Ронсевальском ущелье в 778 году» [10, с. 19] приобрел иную форму в сознании автора и стал основой «Песни о Роланде». Кроме того, что автор изменяет исход битвы, что также сделано во благо сюжета, он сохраняет историческое зерно – идею борьбы с магометанством – и концентрирует события битвы арьергарда Карла Великого в исторически реальном пространстве – в Ронсевале. Сложнее представлен сюжет «Беовульфа», основу которого образует не конкретное историческое событие, а целая эпоха древнегерманских королей и дружинников, пиров и поединков. Автором упоминаются датчане, шведы, гауты, множество имен королей, которые правили ими в исторической действительности.

Беовульф сражается с мифическими существами, не существующими в реальной действительности, но соответствующими эпохе и мировоззрению древних германцев. Исходя из утверждения А.Я. Гуревича, изложенного ученым в статье «Средневековый героический эпос германских народов. Беовульф» (2006), «в существование великанов и драконов тогда все верили безоговорочно» и «соединение подобных историй с рассказом о войнах между народами и королями было вполне естественным» [8, с. 6], особого внимания заслуживает наличие двух хронотопов эпоса: исторического и фольклорно-мифологического. Необходимость в их разделении подчеркивается в сравнении с «Песнью о Роланде», где события разворачиваются в одном времени. Автор «Беовульфа» также создает впечатление одновременности фольклорно-мифологических и исторических элементов сюжета, что указывает, прежде всего, на мастерство средневекового поэта. В дополнение к вышеуказанным хронотопам он включает частные хронотопы, обращаясь к материалу застольных песен, рассказов о деяниях Сигмунда, Херемода, Хамы, Финна, Хенгеста и иных великих представителей германской древности.

По всей вероятности, данный опыт послужил примером для создания немецкой «Песни о Нибелунгах», автор которой превзошел своих предшественников в мастерстве. Если автор англосаксонского эпоса использовал сюжет борьбы эпического героя с чудищем, а французский трувер обратился к сюжету борьбы христиан с неверными, то автору «Нибелунгов» удалось придумать гениальный сюжет, объединивший фольклорно-мифологическое, легендарное и историческое. Впечатленный мифическими подвигами и воинской доблестью Сигурда-Зигфрида, он извлек легендарную личность из мифической древности, используя германо-скандинавское мифологическое наследие, и подал героя сразу в двух эпохах: в эпохе «Великого переселения народов» и куртуазной (христианской) эпохе конца XII века. Автор, творивший в рамках куртуазной культуры, переносит героя прошлого в свое настоящее, тем не менее преобразовав разновременные события прошлого в единую эпическую историю, ставшую основой «Песни о Нибелунгах». Разгром бургундского королевства (436) и смерть Аттилы (453), измененные и дополненные авторским вымыслом, становятся содержанием «Песни о Нибелунгах». Исторический Аттила умер в 453 году, много лет спустя после гибели бургундов. Однако в эпосе умирает не Аттила, а Кримхильда, которую старый воин Хильдебранд разрубает на куски.

Таким образом, средневековый поэт не только сводит воедино разновременные события, но и преобразует их до неузнаваемости. Ключевым выступал образ Зигфрида, который стал главной сюжетной находкой автора. Очевидно, его внимание привлек этот легендарный образ, для раскрытия которого автору потребовалось обратиться как к мифическим подвигам солнечного героя, так и к предательству, характерному для времен переселений. Кульминация эпоса – смерть Зигфрида – стала отправной точкой для разворачивания нового сюжета – мести Кримхильды. Создатель эпоса соединил два сюжетообразующих конфликта, сделав женский образ Кримхильды центром повествования второй части. Такое обращение с материалом, воздвигшее «Песнь о Нибелунгах» в ранг уникальных памятников, не находит аналогов ни в англосаксонском, ни во французском, ни в каком-либо другом западноевропейском эпосе. При сравнении с русским эпосом, который был ближе к истории и достовернее, автор «Нибелунгов» проявляет более вольное обращение с историей. Поскольку, если, по утверждению С.Ю. Неклюдова, «в эпическом конфликте преломляются воспоминания о действительных исторических событиях» [18, р. 17–24], то немецкая «Песнь о Нибелунгах» явно отличается от французской «Песни о Роланде». Вместе с тем мифологизм более раннего «Беовульфа» также не находит своего проявления в «Нибелунгах» в той степени, насколько он выражен в англосаксонском эпосе. Но и отрицать наличие мифологического, как и исторического, элементов в «Песни о Нибелунгах» также невозможно. Исходя из мысли С.Ю. Неклюдова, утверждающего, что в эпосе «образы эпических героев и их антагонистов демифологизированы, а место демонических противников занимают обобщенные фигуры исторических врагов» [18, р. 17–24], можно предположить о враждебных отношениях бургундов и Нидерландского королевства. Однако исторической науке известен факт о бургундском противостоянии гуннам [19]. Даже если экстраполировать данный конфликт на события второй части эпоса, то и здесь обнаруживается нарушение хронологических рамок.

Эпическая фигура Зигфрида, великого и многогранного, могла быть раскрыта только в запутанном сюжете с включением фольклорно-мифологического, исторического и куртуазного хронотопов, в которых живет один и тот же герой. Несомненно, Зигфриду не всегда удается соответствовать тому времени-месту, куда его перемещает автор. При бургундском дворе в нем просыпается древняя природа и вместо сватовства вспыхивает желание захватить бургундские земли, а в окруженной мифом резиденции Брюнхильды он представляется не драконоборцем (что было бы уместным), а вассалом Гунтера. Такого рода изменения не характерны ни для Беовульфа, ни для Роланда, ни для былинных богатырей, выступающих в одной ипостаси в течение всего повествования.

Следует отметить, что наличие нескольких эпох отличает и англосаксонский эпос «Беовульф». Кроме того, что события рассматриваются с различных ракурсов: с точки зрения героев и с точки зрения автора и читателей, которым сообщается намного больше, «эпическое прошлое в поэме расслаивается и внутри себя: за временем основных событий прозреваются иные эпохи» [16, с. 18]. «Расслоение героико-эпического времени осложняется к тому же введением мотивов христианской истории мира» [16, с. 19]. В «Беовульфе», в отличие от «Песни о Нибелунгах», где несколько времен соседствуют друг с другом, наблюдается различие времени в первой и второй частях эпоса. Так, события первой части принадлежат эпическому прошлому, события второй части составляют историю и лишаются эпической линейности, а изображаются, согласно воле автора, отрывочными эпизодами о военных действиях шведов, гаутов, гепидов. Присутствуют как отсылки в прошлое, так и в будущее. Вполне вероятно, что автору «Нибелунгов» был знаком текст «Беовульфа», но он усложнил хронотоп «Песни», придумав запутанный сюжет. Но, если в англосаксонском эпосе, подобно немецкому эпосу, присутствует «время шахматных часов» (А.Я. Гуревич), то важным отличием является отсутствие переходов от одного события к другому. Сюжет «Песни» сложен, но, благодаря отсылкам в будущее, нить повествования не теряется, создается впечатление непрерывного повествования, что также подчеркивает мастерство средневекового поэта. В «Песни о Роланде» главный герой эпоса и выходец из христианского мира чувствует себя чужим в мире магометан. В то же время его образ остается статичным и, несмотря на его активную роль, не претерпевает развития.

Заключение. Таким образом, «Песнь о Нибелунгах» обладает рядом отличительных особенностей. Наличие в эпосе типологических черт характеризует западноевропейский средневековый эпос, сложившийся в период зарождения варварских государств и их христианизации. Речь идет об исторической условности; о противопоставлении горя и радости, добра и зла; мотивах змеборчества, предательства и мести; о наличии трудных испытаний, преодолеть которые герою помогают сила, отвага и честь; о материальных благах и отношении героя

к судьбе, а также о гибели героя. Данные черты связаны с наличием элементов устной поэзии в эпическом жанре, которые рождены из синтеза языческого и христианского мировоззрений. В то же время имеющую общие черты с европейским эпосом «Песнь о Нибелунгах» выделяет и ставит в ранг уникальных произведений в эпической традиции запутанный сюжет, обусловивший наличие сложного хронотопа, одновременное существование в котором возможно для главного героя эпоса.

ЛИТЕРАТУРА

1. История немецкой литературы. В 5 т. / редкол.: Б.И. Пуришев, В.М. Жирмунский. – М.: АН СССР, 1962–1976. – Т. 1: История немецкой литературы (IX–XVII вв.) / Б.И. Пуришев, Р.М. Самарин, И.М. Фрадкин. – 1962. – 470 с.
2. Новичкова Т.А. Эпос и миф. – СПб.: Наука, 2001. – 248 с.
3. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. – М.–Л.: ГИХЛ, 1962. – 437 с.
4. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. – М.: Восточная литература, 2004. – 462 с.
5. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. – Л.: Наука, 1988. – 224 с.
6. Робинсон А.Н. Древнерусский народный эпос в соотношениях с эпосом Востока и Запада // Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI–XIII вв.) / А.Н. Робинсон. – М.: Наука, 1980. – Гл. III. – С. 116–151.
7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
8. Беовульф: Эпос / пер. с др.-англ. В. Тихомирова. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 288 с.
9. Песнь о Нибелунгах. С введением и примечаниями / пер. М.И. Кудряшев – СПб.: Тип. Лебедева Н.А., 1889. – 440 с.
10. Песнь о Роланде / пер. Ю.Б. Корнеева // Библиотека всемирной литературы; под ред. М. Ваксмахера, С. Шлапоберской. – Сер. 1. – Т. 10: Песнь о Роланде. Коронавание Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. – М.: Худ. лит-ра, 1976. – С. 27–144.
11. Веселовский А.Н. Южнорусские былины. – Т. 2: III–XI. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1884. – 411 с.
12. Радван Я. Радзівіліяда... / пер. Ж.В. Некрашэвіч-Кароткая // Маладосць. – 2011. – № 1. – С. 93–99.
13. Саверчанка І.В. Беларуская літаратура эпохі Рэнесансу // Польша. – 2013. – № 8. – С. 128–139.
14. Былины. – М.: Эксмо, 2019. – 320 с.
15. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
16. Бочкарева Т.В. Картина времени в «Беовульфе»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1999. – 278 л.
17. Гуревич А.Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев / отв. ред. Т.А. Михайлова. – М.: Индрик, 2005. – С. 12–22.
18. Неклюдов С.Ю. Типология и история в памятниках героического эпоса // The Armenian Epic «Daredevils of Sassoun» and the World Epic Heritage. – Yerevan: National Academy of Sciences of Armenia, 2003. – P. 17–24.
19. Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). – М.: МГУ, 1984. – 256 с.

Поступила 27.11.2023

"THE NIBELUNGENLIED" IN THE CONTEXT OF EUROPEAN EPIC TRADITION

E. LUSHNEVSKAYA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article considers the German heroic epic "The Nibelungenlied" in the context of the Western European epic (on the example of "Beowulf" and "Song of Roland") and Old Russian byline epic. It is emphasised that the researched epics are characterised by commonality at the plot and thematic level. It is about historical convention; about the opposition of grief and joy, good and evil; about the motives of snake-fighting, betrayal and revenge; about the presence of difficult trials, which the hero is helped to overcome by strength, courage and honour; about material benefits and the hero's attitude to fate, as well as about the hero's death. The author concludes that these features are associated with the presence of elements of oral poetry in the epic genre, which are born from the synthesis of heathen and Christian worldviews. As a result, along with typological similarities, the differences were revealed, connected, on the one hand, with the specificity of culture, and, on the other hand, with the personality of the author of the epic, in particular "The Nibelungenlied".

Keywords: *epic, bylina, typology, historical convention, honour, betrayal, revenge, fate, hero's death.*